
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 332.1

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ЭКОСИСТЕМЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

© 2019 г. С.П. Земцов^{1,2,*}, В.Л. Бабурин^{3,**}

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия*

² *Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (ВАВТ), Москва, Россия*

³ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия*

*e-mail: zemtsov@ranepa.ru

**e-mail: vbaburin@yandex.ru

В статье обсуждается применение концепции предпринимательской экосистемы для описания неравномерного развития малого и среднего бизнеса в России. Выявлено несколько типов регионов на основе авторской методики, включающей оценку плотности, динамики, разнообразия и связанности предпринимательской деятельности. В регионах первого и второго типа ниже риски для бизнеса и лучше доступ к рынкам и капиталу, и как результат – выше плотность и разнообразие бизнес-агентов. Во многих из этих регионов сформировались крупные агломерации с высокой концентрацией человеческого капитала, высокими доходами населения и диверсифицированной экономикой. В последние годы здесь проводится проактивная политика поддержки предпринимательства. В регионах с производственной специализацией малого бизнеса есть предпосылки для формирования высокотехнологичных кластеров. Во многих южных регионах наблюдаются высокая доля неформальной занятости, высокие коррупционные риски и, как следствие, низкий уровень доверия между агентами, что ограничивает возможности формирования технологически сложного бизнеса. В целом наименее развито предпринимательство на территориях с высокими издержками ведения бизнеса, включая Арктику, Дальний Восток и Северный Кавказ. Более развитые предпринимательские экосистемы могут успешнее противостоять внешним шокам, например, снижению доходов населения, и лучше используют возможности развития, в том числе при проведении Чемпионата мира по футболу. В заключении на основе типологии предложены некоторые дифференцированные меры поддержки предпринимательства.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, предпринимательская экосистема, институты, регионы России, кластеры.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-1

Введение и постановка проблемы. География предпринимательства¹ за рубежом часто изучается как самостоятельный раздел региональных исследований [15, 18, 20, 27, 32], но в России направление незаслуженно обделено вниманием. Предпринимательство – уникальный исследовательский объект, так как многие современные закономерности размещения в России, в первую очередь,

могут быть выявлены на примере малых фирм. Большинство же крупных предприятий созданы в советский период в рамках плановой экономики, к тому же многие из них зарегистрированы в Москве, хотя фактически ведут деятельность в других регионах.

География малого и среднего предпринимательства (МСП) в России формировалась последние 30 лет, за этот период в ряде ре-

¹ Под предпринимательством понимается деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), то есть индивидуальных предпринимателей, микро-, малых и средних предприятий, численность занятых в которых менее 250 чел. В среднем в одном субъекте МСП занято ≈ 2,68 чел. [6].

гионов сложились устойчивые институциональные, отраслевые и иные отличительные черты [4, 5]. Например, при внедрении федеральных инициатив по упрощению процедур ведения бизнеса («реформы Грефа») в середине 2000-х гг. в регионах с лучшими институтами управления, более открытым правительством, более информированным населением и высокой фискальной автономией либерализация оказала более существенное положительное влияние на рост числа малых предприятий и результаты их деятельности [35]. Поэтому в России сохраняются существенные различия в плотности малого бизнеса [1, 16], в вовлеченности населения в предпринимательство [2, 10, 16]. Фактически речь может идти о разных типах предпринимательских экосистем в регионах.

Хотя поддержка МСП признана одним из приоритетов экономической политики в России [6], на федеральном уровне региональные различия не всегда учитываются, в частности унифицировано законодательство, встречается несоответствие поддержки типу бизнеса и месту его деятельности [10]. Низкая самостоятельность местных властей, низкая доля налогов от сектора МСП, идущая в местные бюджеты, не создает стимулов в регионах и городах для реализации системной политики.

Цель исследования – выявить типы сформировавшихся региональных предпринимательских экосистем в России на основе анализа территориальных, отраслевых и институциональных особенностей развития малого и среднего бизнеса.

Обзор ранее выполненных исследований. Существует несколько подходов к определению предпринимательской экосистемы. В соответствии с принципами системного подхода² выделяют сети бизнес-агентов и среду, в которой они взаимодействуют [30]. Среди бизнес-агентов выделяют фирмы и ключевых «стейкхолдеров», участвующих в их создании и развитии: университеты, на-

учные учреждения, венчурные фонды и т.д. [24]; изучаются цели, функции и связи между бизнес-агентами. Еще один подход предполагает изучение базовых условий и ресурсов развития бизнеса [1, 29, 32].

На наш взгляд, *предпринимательская экосистема* – это сети взаимодействия бизнес-агентов различной специализации, формируемые в определенных территориально ограниченных природно-хозяйственных, институциональных и иных условиях [29, 30, 37].

Следует различать внешние условия деятельности бизнес-агентов и предпринимательскую среду. Развитие МСП детерминировано базовыми условиями [9]: природные ресурсы, экономико-географическое положение (близость к рынкам), инновационный потенциал, инфраструктура, культурные и иные особенности региона, которые не могут быть кардинально изменены в течение нескольких лет. Предпринимательская среда, определяющая доступ предпринимателей к финансам и специализированным услугам, уровень административного давления, сложность регистрации бизнеса и т.д. подвержена краткосрочным изменениям, в том числе в результате политических решений.

Предприниматели³ осваивают некую рыночную нишу, неиспользуемую ранее, обеспечивают новыми товарами и услугами, а соответственно положительно влияют на региональный рост [14, 26, 38]. Регионы, где сформировались развитые предпринимательские экосистемы, в целом лучше адаптируются к внешним шокам, так как в них выше конкуренция бизнес-агентов и диверсификация деятельности⁴ [15]. Отдельные экосистемы предпринимательства стимулируют появление быстрорастущих компаний, так называемых «газелей», которые могут обеспечить до 50% прироста ВВП в развитых странах [38], а также способствуют зарождению высокотехнологичных стартапов⁵ благодаря деятельности предпринимательских университетов [23].

² В статье мы не ставили перед собой цели провести подробный обзор исследований, связанных с описанием системного подхода, наиболее полно представленного в работах Л. фон Бергаланфи, А.Д. Холла, Р.И. Фейджина, А.А. Богданова, И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина и др. Но концепция предпринимательских экосистем, безусловно, включает элементы подходов указанных авторов.

³ Речь в данном случае о производительных предприятиях. Большая же часть МСП относится к фирмам с низким потенциалом роста, а для своих владельцев – вынужденных предпринимателей [2] – это альтернатива заработной плате [2, 10]. Кроме того, в России распространено непроизводительное и деструктивное предпринимательство [10].

⁴ В секторе МСП формируются новые отрасли, например, инжиниринг в Самарской области (Тольятти), дикоросы в Томской области, вездеходы в Югре, деревянное домостроение в Белгородской области и т.д.

⁵ Крупнейшие компании наукоёмких отраслей России (Яндекс, Caspersky, AVBYU, Вымпелком, Инвитро, 2GIS, QIWI и т.д.) создавались как стартапы [7].

В сложившихся предпринимательских экосистемах наблюдается самоподдерживающийся процесс развития бизнеса. Например, в работе [33] показано, что каждая крупная сделка на рынке слияний и поглощений создает волну новых компаний в ближайшем географическом окружении. Подобные процессы на протяжении столетий зафиксированы в Германии [20], где произошло укоренение предпринимательства: накопление информации, знаний и навыков о бизнесе, формирование сетей взаимодействия и среды доверия с высоким престижем предпринимателей. Укоренение происходит на местном и региональных уровнях, так как важна передача неявных знаний, в частности, от предпринимателя-учителя к предпринимателю-новичку; от венчурного инвестора к основателю новой фирмы и т.д. В России также выявлены регионы с высоким многолетним уровнем предпринимательской активности [5]: Санкт-Петербург, Москва, Калининградская, Новосибирская, Самарская, Ярославская, Свердловская и Белгородская области. В работе [19] показано сохранение предпринимательской активности в районах Калининградской области на протяжении столетия несмотря на драматические изменения в истории региона.

Для измерения уровня развития предпринимательской экосистемы и выявления разных типов в соответствии с системным подходом [31] необходимо оценить следующие характеристики (свойства): плотность, изменчивость, разнообразие и связанность. Для *оценки плотности* могут использоваться отношение числа новых и молодых фирм к численности населения (рабочей силы), доля этих фирм в занятости [7]. В более развитой предпринимательской экосистеме при прочих равных условиях выше плотность бизнес-агентов. *Изменчивость* можно измерить через динамику предпринимательской активности, мобильность рынка труда и долю быстрорастущих фирм. Более развитые экосистемы менее уязвимы к внешним шокам благодаря разнообразию и связанности сетей бизнес-агентов. *Разнообразие* в рамках экосистемы предполагает учет уровня диверсификации сектора МСП, доли технологически сложных отраслей. *Связанность* экосистемы может определяться вовлеченностью фирм в деятельность организаций поддержки [22], плотностью

рыночных институтов, числом «спин-оффов». Малые фирмы часто возникают вокруг крупных предприятий и университетов, которые передают часть своей деятельности на аутсорсинг, а также создают спин-оффы – новые или дочерние фирмы для реализации нового проекта, закрепления на новом рынке и т.д. В США наиболее продуктивные экосистемы Боулдера, Сиэттла, Бостона формировались как сети спин-оффов крупных компаний-«инкубаторов» или вуза [17, 21]. Развитые предпринимательские экосистемы могут включать в себя несколько кластеров – сетей взаимодействия малых фирм в рамках одной специализации на ограниченной территории [36]. Для технологически сложных отраслей важно доверие между контрагентами, развитие институтов и доверие к ним. А в условиях высоких инвестиционных рисков (административное давление, коррупция и т.д.) в ряде регионов России, низкий уровень доверия не позволяет создавать устойчивые горизонтальные связи [13, 28], снижает активность бизнеса, способствует уходу фирм в теневой сектор [12, 25]. При прочих равных условиях связанность выше в регионах с развитыми рыночными институтами.

Концепция предпринимательских экосистем пока недостаточно формализована; в работах представлены списки индикаторов без четкой аргументации причин и следствий [11, 24, 30, 34]. Для подбора соответствующих индикаторов для регионов России мы опирались на выявленные ранее факторы развития предпринимательства [1, 5, 6], среди которых высокие инвестиционные риски, доступность банковских услуг и рыночный потенциал в сочетании с концентрацией человеческого капитала.

Материалы и методы исследования.

В качестве информационной базы в статье использованы официальные данные Росстата, а также Единый реестр субъектов МСП ФНС РФ (<https://ofd.nalog.ru>), Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации АНО АСИ (<http://asi.ru/investclimate/rating/>), отчеты о развитии банковского сектора Банка России (<http://www.cbr.ru/publ/?PrtlId=nadzor>).

Для определения специализации предпринимательской экосистемы мы использовали долю укрупненных видов деятельности в занятости юридических лиц – субъектов МСП (рис. 2), а также применили разрабо-

танный ранее индекс кластеризации [36]. Индекс (IC) получен как среднее арифметическое субиндексов (Ind) от доли отрасли региона ($L_{i,r}$) в общей занятости МСП в регионе (L_r), доли отрасли региона ($L_{i,r}$) в отраслевой занятости МСП в России (LR) и коэффициента локализации:

$$IC_{i,r} = (Ind(\frac{L_{i,r}}{L_r}) + Ind(\frac{L_{i,r}}{L_{i,R}}) + Ind(\frac{L_{i,r}}{L_r} / \frac{L_i}{L_R})) / 3,$$

где i – отрасль, r – регион, R – Россия, L – численность работников в секторе МСП.

Значения показателей нормировались с помощью метода линейного масштабирования. В целом индекс показывает, насколько субъекты МСП рассматриваемой отрасли сконцентрированы в регионе в сравнении с другими отраслями и регионами, а соответственно позволяет выявить потенциал для образования кластера [36]. В большинстве случаев специализация сектора МСП напрямую связана или дополняет специализацию крупнейших компаний региона.

Для выявления типов регионов России в соответствии с результатами предшествующих исследований [1, 5, 20] был проведен кластерный анализ по 7 показателям (табл. 1). Для оценки плотности использовалось отношение числа малых фирм (ЮЛ) к численности рабочей силы. Изменчивость определена по динамике предпринимательской активности за период 2010–2017 гг. Для измерения степени диверсификации и сложности учитывались роль первичного сектора и обрабатывающей промышленности в секторе МСП. Связанность внутри предпринимательской экосистемы оценивалась косвенно с помощью индекса обеспеченности банковскими услугами⁶, учитывающего плотность банковской инфраструктуры, а также объем вкладов населения. Для оценки базовых условий учитывались экономика-географическое положение региона как прокси доступа фирм к рынкам товаров и услуг [1], а также доля неформальной занято-

сти как оценка институциональных рисков. Уход в теневой сектор может быть обусловлен высоким административным давлением, коррупцией [25], отсутствием доверия к формальным институтам, или быть следствием низкой эффективности государственного управления, высоких налоговых ставок.

Полученные результаты и их обсуждение.

География и динамика предпринимательства. Всего в России в октябре 2018 г. насчитывалось около 5,9 млн субъектов МСП, из них более 45% сосредоточены в крупнейших агломерациях: Москва, Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Ростовская, Челябинская, Нижегородская, Новосибирская области, Краснодарский край и Татарстан (рис. 1). При этом сектор МСП менее сконцентрирован, чем население, так как в этих же регионах сосредоточено 53% жителей. На территориях с особыми условиями ведения бизнеса МСП развито слабее: на Северном Кавказе (СКФО) – 3,3% субъектов МСП (при 6,7% населения), в Арктической зоне (АЗРФ)⁷ – 2,1% (при 2,4%), на Дальнем Востоке (ДВФО) – 4,2% (при 4,2%).

Отношение числа субъектов МСП к рабочей силе может служить индикатором плотности предпринимательской экосистемы. Наибольшая плотность наблюдается в крупнейших агломерациях: Санкт-Петербурге, Москве, Новосибирске и портовых регионах: Калининградской области и Краснодарском крае. Крупные агломерации⁸ обладают большими потребительскими рынками и развитой инфраструктурой. В приморских регионах выше возможности для трансграничной торговли, развития МСП в сфере транспорта, туризма и иных услуг.

Благоприятный инвестиционный климат в регионах-лидерах по рейтингу АСИ – Калужская, Тюменская, Ивановская, Ростовская области, Краснодарский край, Москва и Санкт-Петербург – также способствует высокой плотности малого бизнеса. Севастополь и Республика Крым в числе лидеров

⁶ Индекс выше в достаточно развитых регионах с высоким уровнем доверия к рыночным институтам: Москва, Санкт-Петербург, Свердловская, Самарская, Московская, Калининградская, Ярославская, Новосибирская области. Индекс ниже в регионах, где рыночные институты развиты слабее, права собственности плохо защищены, ниже доверие и связи между банками, населением и бизнесом, поэтому население не увеличивает свои вклады, а банки реже предоставляют кредиты малому бизнесу (республики Северного Кавказа, Тыва, Калмыкия и др.). Кроме того, в современной системе поддержки МСП банки создают Центры «Мой бизнес», в которых предоставляют льготные кредиты совместно с гарантиями Корпораций МСП и консалтинговыми услугами; таким образом, в регионах с более развитой банковской системой может быть выстроена более разветвленная сеть поддержки [1, 6].

⁷ В нашем исследовании мы придерживаемся подхода из статьи [7] и ведем расчеты по АЗРФ для Мурманской, Архангельской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Чукотского АО и Республики Саха.

⁸ За рубежом показано, что в регионах с высокой плотностью населения благодаря большей интенсивности связей, накопленному социальному капиталу ниже страх неудачи [15], что значимо для создания нового бизнеса.

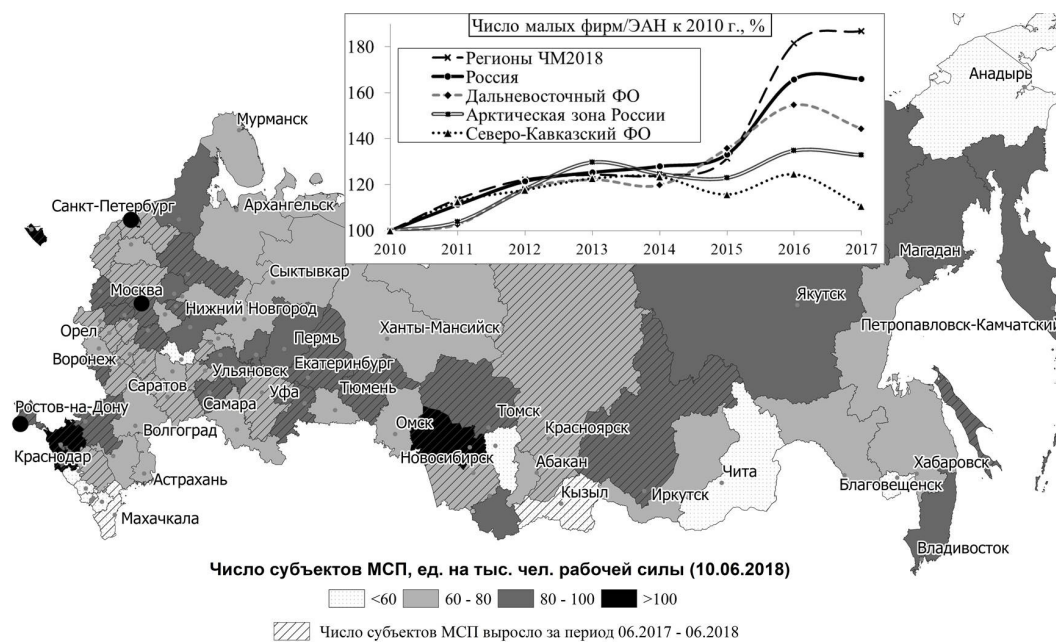

Рис. 1. Плотность предпринимательской деятельности и ее динамика в регионах России

благодаря большому числу гостевых домов и туристических сервисов, в регионах действует режим особой экономической зоны. Наименьшие значения характерны для слабо развитых регионов СКФО и моносырьевых, узкоспециализированных регионов ДВФО.

Динамика развития предпринимательства в России по данным Росстата после завершения кризиса 2008–2009 гг. в целом была положительной, но в условиях падения доходов населения в 2014–2015 гг. темпы роста замедлились, а в регионах с наименее развитыми и уязвимыми предпринимательскими экосистемами (СКФО, АЗРФ, ДВФО) наступил спад (врезка на рис. 1). В первой половине 2018 г. по сравнению с первым полугодием 2017 г. число субъектов МСП выросло на 1,4%, или 85 тыс. ед. преимущественно за счет микрофирм [6]. Более чем на 3% сектор МСП рос в ряде крупных регионов, где проводился Чемпионат мира по футболу: Москва, Санкт-Петербург, Самарская, Ленинградская, Московская области. Это произошло за счет развития сервисов, обслуживающих болельщиков: торговля, питание, аренда жилья, развлечения; доля этих отраслей выросла в обороте малых фирм [6]. В то же время предпринимательские экосистемы большинства регионов СКФО теряли малый

бизнес, что связано с уходом фирм в теневой сектор при падении доходов населения.

Отраслевая специфика. В России в занятости всего сектора МСП, включая ИП, преобладают: торговля (42,7%), операции с недвижимым имуществом, аренда и бизнес-услуги, включая инжиниринг, НИОКР, геологоразведку и др. (18,3%), транспорт и связь (9,9%), строительство (8,1%) и обрабатывающие производства (7,1%). В структуре средних фирм ниже доля торговли и выше доля производств, а в микрофирмах ситуация обратная, что связано с эффективным масштабом фирм: для торговой точки достаточно одного занятого (продавца), а для промпредприятия необходим целый набор специалистов.

В среднем в *сельском и лесном хозяйстве* занято около 5% работников малого и среднего бизнеса (рассматриваются только юридические лица) (рис. 2). В СКФО эта доля превышает 13% в условиях относительно примитивной структуры экономики. Индекс кластеризации максимален в южных регионах, где развито наиболее рентабельное для фермеров зерновое хозяйство: Курская, Саратовская и Оренбургская области, Алтайский, Ставропольский и Краснодарский края.

Рис. 2. Специализация предпринимательских экосистем в 2015 г. Структура занятости малых и средних фирм – юридических лиц.

В *обрабатывающей промышленности* занято около 17,3% работников малых и средних фирм. Максимальна доля в 19 традиционных центрах машиностроения вблизи крупных агломераций, а минимальна – в наиболее удаленных регионах ДВФО и АЗРФ. В Ульяновской, Калининградской, Нижегородской, Челябинской областях и Татарстане вблизи крупнейших автозаводов возникли малые фирмы-смежники по производству автокомпонентов и ремонту транспортных средств, в Севастополе – судоремонтные. Рядом с крупными нефтеперерабатывающими заводами в Адыгее, Рязанской, Самарской, Ростовской, Томской областях, Башкортостане возникли малые фирмы, производящие топливо (в т.ч. для частных АЗС), смазочные масла, различные нефтехимические продукты. Во Владимирской, Калужской, Пензенской, Тверской, Тульской и Ярославской областях, крупные компании которых имеют машиностроительную специализацию, наибольший потенциал создания кластеров малых фирм наблюдается

в легкой промышленности, ориентированной на столичный рынок⁹.

Предпринимательские экосистемы крупных агломераций имеют довольно диверсифицированную структуру с преобладанием сервисов. В традиционных машиностроительных центрах вокруг крупных агломераций сложился значимый обрабатывающий сектор МСП. В слаборазвитых регионах наблюдается завышенная специализация на отраслях первичного сектора, ЖКХ и строительстве.

Типы региональных предпринимательских экосистем. Были определены 7 типов (рис. 3, табл. 1). Большинство регионов *первого и второго типа* характеризуются устойчиво высокой плотностью предпринимательской деятельности на протяжении двух последних десятилетий [5]. *Москва и Санкт-Петербург* – крупнейшие потребительские рынки России с высочайшей плотностью бизнеса, диверсифицированным сервисным сектором МСП, хорошим доступом

⁹ Историческое объяснение может быть связано с политикой Госплана СССР, когда рядом с крупными заводами машиностроения (часто ВПК) строились фабрики легкой промышленности (кожевенная, текстильная, обувная подотрасли) для баланса мужской и женской занятости.

к капиталу (максимальной обеспеченностью банковскими услугами) и минимальной долей неформальной занятости. Отраслевая структура субъектов МСП в крупнейших центрах предпринимательства довольно сложная и отличается наличием ряда наукоемких отраслей: деятельность рекламных агентств (10%); консалтинг (8%), разработка программного обеспечения (8%), юридические услуги (8%). Регионы хорошо обеспечены инфраструктурой поддержки МСП [8]. В 7 регионах проводился Чемпионат мира по футболу, наблюдается высокая положительная динамика развития сектора МСП.

Во *втором типе* представлены преимущественно крупногородские регионы с высокой плотностью диверсифицированного сектора МСП с благоприятным предпринимательским климатом, хорошим доступом к рынкам товаров, услуг и капитала: Самарская, Воронежская, Новосибирская, Тюменская, Свердловская, Челябинская области, Татарстан. В большинстве регионов проводится активная предпринимательская политика, направленная на создание инфраструктуры, упрощение аренды помещений, доступ к госзакупкам и т.д. Успехи Белгородской области, привлекавшей большое число мигрантов из стран бывшего СССР, частично связан с развитием малоэтажного домостроения и соответствующих бизнесов. Пригородная система расселения требует развития нестационарной торговли ($\approx 15\%$ субъектов МСП), способствует развитию семейных ферм (действовала специальная программа поддержки). Выгодное экономико-географическое положение способствовало развитию грузоперевозок ($\approx 17\%$ субъектов МСП). В Калининградской области, расположенной вблизи крупного европейского рынка, долгие годы действует режим особой экономической зоны: развиваются связанные с внешней торговлей фирмы и производственные предприятия, развит малый бизнес в транспортной сфере и туризме. Полученные типы в большей степени характеризуют центральный город региона, в сельских же местностях могут сохраняться менее благоприятные условия. Например, Республика Карелия очень неоднородна, но высокая концентрация и разнообразие фирм, банковских институтов в Петрозаводске, ее близость к рынкам Финляндии и Санкт-Петербурга позволяют не относить регион к пятому

типу. В Карелии представлено большое разнообразие малого бизнеса в сфере услуг, в т.ч. туризме, лесопереработке. Большую роль играет Петрозаводский университет.

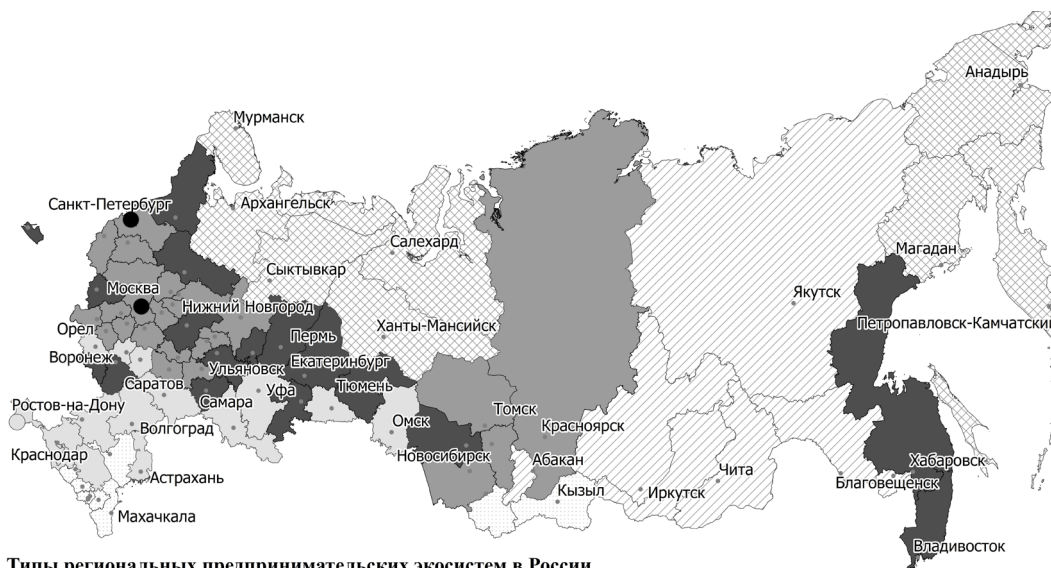
Предпринимательские экосистемы с высокой ролью малых производственных фирм расположены вблизи крупнейших агломераций (*тип 3*). Часто они имеют дополненную специализацию к унаследованной с советских времен. В *Калужской области* на основе накопленного научного потенциала и компетенций развивается кластер малых фирм, обеспечивающих крупные автосборочные заводы резиновыми и пластмассовыми изделиями, металлозаготовками и различным оборудованием; формируется кластер фармацевтики и биотехнологий в Обнинске [36]. Малые фирмы *Тульской области* специализируются на производстве машин и оборудования благодаря развитому оборонно-промышленному комплексу [36]. В *Рязанской области* есть предпосылки для развития радиоэлектронного кластера [36]: несколько крупных заводов, специализированный вуз, около трети занятых в МСП. В *Томской области* сложился уникальный кластер информационных технологий, радиоэлектроники и фармацевтики благодаря наличию предпринимательских университетов, но ограниченный доступ к рынкам, слабое развитие банковской сферы не позволяют отнести регион ко второму типу.

В четвертом типе представлены преимущественно регионы южной части основной зоны расселения со среднеразвитым диверсифицированным сектором МСП, повышенной ролью аграрного бизнеса и неформального сектора. Институциональные особенности южных регионов (*типы 4 и 7*) с высокой ролью сельского хозяйства негативно влияют на весь сектор МСП. Высокая доля неформальной занятости (она высока в сельском хозяйстве и строительстве) может быть следствием, но и причиной распространения коррупции, снижения качества госуправления. В ряде случаев руководящие должности в административных структурах занимают приближенные «люди от сохи» с недостаточной квалификацией, использующие устаревшие методы управления. К четвертому типу отнесены *Волгоградская, Ростовская, Курганская, Оренбургская области, Краснодарский и Ставропольский края* с развитым сектором обрабатывающей про-

Таблица 1. Средние значения основных характеристик выделенных типов предпринимательских экосистем в России в 2016 г.

Характеристики	Тип экосистемы						
	1	2	3	4	5	6	7
Плотность экосистемы: отношение числа малых фирм к численности рабочей силы, ед. на 10 тыс. чел.	74,5	40,6	29,6	24,5	25,5	23	<i>13,4</i>
Изменчивость экосистемы: динамика отношения числа малых фирм к численности рабочей силы (2017/2010), %	203	169	146	131	133	140	<i>127</i>
Разнообразие экосистемы: доля предприятий обрабатывающей промышленности в обороте сектора МСП (ЮЛ), %	8,3	11,4	18,7	13,8	6,2	8,4	13,4
Разнообразие экосистемы: доля сельского и лесного хозяйства в занятости субъектов МСП, %	<i>0,5</i>	3,9	4,3	7,4	2,7	8,4	24,2
Связанность экосистемы: индекс обеспеченности банковскими услугами	1,48	0,88	0,84	0,74	0,79	0,74	<i>0,44</i>
Базовые условия региона: объем доступных рынков, млрд руб. ¹⁰	299	279	285	284	268	266	280
Базовые условия региона: доля неформальной занятости, %	7,9	19,1	20,8	26,9	13,2	24,2	42

Примечание: составлено авторами. Полужирным шрифтом выделены максимальные значения, курсивом – минимальные.

Типы региональных предпринимательских экосистем в России

1. Центры предпринимательства: крупнейшие потребительские рынки с развитым сервисным сектором МСП, доступом к капиталу и низкими рисками
2. Развитые диверсифицированные с высокой активностью предпринимателей с доступом к рынкам и капиталу
3. Диверсифицированные с развитым производственным сектором МСП со средневисокой активностью бизнеса вблизи крупных рынков
4. Южные со среднеразвитым диверсифицированным сектором МСП, повышенной ролью аграрного бизнеса и средними рисками
5. Северные слабо диверсифицированные со средней активностью бизнеса, усложненным доступом к рынкам, низкой неформальной занятостью
6. Восточные слаборазвитые, удаленные от рынков, с низкой активностью бизнеса и высокими рисками
7. Слаборазвитые с низкой регистрируемой активностью бизнеса, высокими рисками и худшими условиями доступа к капиталу

Рис. 3. Типы предпринимательских экосистем в регионах России

мышленности, но с высокой долей аграрного сектора и неформальной занятости. В *Липецкой области* активно формируется кластер машиностроения и металлообработки, но пока малое число субъектов МСП, слабое

развитие банковской сферы и повышенная доля неформальной занятости отличают регион от третьего типа.

Большинство регионов Арктики относится к *пятому типу*: слабо диверсифи-

¹⁰ Учитывает ВРП региона, сумму ВРП других регионов и ВВП стран, деленное на расстояние до них. Подробнее о расчете показателя см. [1].

цированные северные регионы со средней плотностью предпринимательской деятельности, усложненным доступом к рынкам товаров и услуг, средним доступом к капиталу. В ДВФО многие регионы отнесены к *шестому типу*: удаленные от рынков регионы с низкой активностью бизнеса, высокой долей неформальной занятости. В СКФО большинство регионов отнесены к *типу 7*: слабо развитые горные регионы с низкой плотностью предпринимательства¹¹, высокой неформальной занятостью и худшими условиями доступа к капиталу. Впрочем, экосистемы СКФО весьма разнообразны, например, *Кабардино-Балкария* и *Северная Осетия* отличаются высокой долей производственного малого бизнеса, что роднит их с типом 3, а предпринимательская экосистема *Дагестана* близка к типу 4.

Выводы. География предпринимательства в России в последнее десятилетие в целом имеет устойчивую структуру [5] с более высокой плотностью субъектов МСП вблизи крупнейших агломераций в южной и юго-западной части страны. В крупных агломерациях выше отраслевое разнообразие, выше доля сервисных компаний, в том числе наукоемких отраслей [7]; сформированы наиболее развитые экосистемы предпринимательства. Фактически динамика развития сектора МСП определяется агломерациями, в которых сосредоточено большинство субъектов МСП и основные инструменты их поддержки: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Самара, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Тюмень, Пермь, Челябинск, Воронеж, Хабаровск, Владивосток.

Вблизи агломераций и соседних к ним регионах развивается малый производственный бизнес благодаря накопленному человеческому и техническому капиталу, сохраняя черты унаследованной отраслевой структуры производств советского периода. В ряде регионов (*Калужская, Тульская, Рязанская, Тверская, Томская, Ульяновская области, Башкортостан, Удмуртия, Алтайский край*) сложились условия для развития высокотехнологичных кластеров малых фирм [36]. Но зачастую крупные предприятия отрасли специализации регионов относятся к разным холдингам (ГК «Ростех», АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей»» и т.д.), которые характе-

ризуются замкнутой структурой с моделью управления не предполагающей возможности горизонтального взаимодействия. Поэтому потенциальные кластеры находятся в зачаточном состоянии, несмотря на усилия региональных властей.

В Арктике, на Дальнем Востоке и в горных условиях существенно выше издержки ведения бизнеса (зачастую их могут преодолеть лишь крупные компании), а потому здесь сектор МСП наименее развит. Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа рассматриваются как особые территории в Стратегии развития МСП в России, с полным правом сюда следует относить и Арктическую зону.

На динамику сектора МСП благоприятное влияние оказал прошедший Чемпионат мира по футболу – 2018 в регионах проведения турнира благодаря появлению фирм в сфере обслуживания болельщиков. В то же время в наименее развитых предпринимательских экосистемах из-за снижения доходов населения число субъектов МСП сокращается.

Политика в сфере МСП должна быть направлена на дифференцированное развитие региональных предпринимательских экосистем [17, 24, 30] с учетом местных особенностей [10, 30]. Это потребует перевода всех налогов от сектора МСП в муниципальные и региональные бюджеты с возможностью регулирования ставок, что позволит повысить ответственность и заинтересованность местных властей. В регионах первого и второго типа необходима концентрация усилий на поддержке средних быстрорастущих компаний [28], особенно в технологичных секторах экономики [7, 10]. Обосновано применение различных форм венчурного финансирования, востребован инструмент инновационных ваучеров [7], связанных грантов [17, 23]. В регионах третьего типа необходима поддержка кластерных инициатив по формированию сетей взаимодействия с ТНК и государственными корпорациями [36]. В регионах с менее развитыми предпринимательскими экосистемами и ухудшающейся динамикой (СКФО, ДВФО, АЗРФ) необходимы меры по выводу предприятий из теневого сектора, в частности возможна ликвидация налоговых сборов для самозанятых в сель-

¹¹ Плотность фирм на Северном Кавказе несколько занижена в связи с высокой долей предприятий в теневом секторе.

ской местности. Необходимы дополнительные меры социальной политики: бесплатное обучение предпринимательству и бесплатные консультации по развитию МСП, в т.ч. снижению издержек [22].

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (14-37-0038-П).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.* Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92–116.
2. *Верховская О.Р., Джелпова, М.В., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Шмелева Э.В.* Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017». СПб.: ВШМ СПбГУ, 2017. 64 с.
3. *Виленский А.В.* Взаимодействие федеральных и региональных органов власти в поддержке малого и среднего предпринимательства России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 2. С. 55–69.
4. *Заздравных Е.А.* Исторические эффекты региональной предпринимательской активности // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 1. С. 97–120.
5. *Земцов С.П., Царева Ю.В.* Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 145–165.
6. *Земцов С.П., Баранова В.А., Царева Ю.В.* Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России // Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 40). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. С. 579–600.
7. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». Вып. 2 / Под ред. С.П. Земцова. М.: РАНХиГС, АИРР, 2019. 108 с.
8. *Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю.* Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4. С. 4–15.
9. Предпринимательский климат регионов России. География России для инвесторов и предпринимателей / Под ред. А.М. Лаврова и В.Е. Шувалова. М.: Начала-пресс, 1997. 297 с.
10. *Челуренко А.Ю.* Что такое предпринимательство, и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 2. С. 102–124.
11. *Alvedalen J., Boschma R.* A critical review of entrepreneurial ecosystems research: towards a future research agenda // European Planning Studies. 2017. № 6 (25). P. 887–903.
12. *Anokhin S., Schulze W.* Entrepreneurship, innovation, and corruption // Journal of business venturing. 2009. № 5 (24). P. 465–476.
13. *Aidis R., Estrin S., Mickiewicz T.* Institutions and entrepreneurship development in Russia: A comparative perspective // Journal of Business Venturing. 2008. № 6 (23). P. 656–672.
14. *Audretsch D., Keilbach M.* Entrepreneurship and regional growth: An evolutionary interpretation // Journal of Evolutionary Economics. 2004. № 5. P. 605–616.
15. *Bosma N., Schutjens V.* Understanding regional variation in entrepreneurial activity and entrepreneurial attitude in Europe // The Annals of Regional Science. 2011. № 3 (47). P. 711–742.
16. *Chepurens A., Popovskaya E.V., Obratsova O.* Cross-regional variations in the motivation of early-stage entrepreneurial activity in Russia: determining factors / Entrepreneurship in Transition Economies. NY: Springer, 2017. P. 315–342.
17. *Feld B.* Startup communities: Building an entrepreneurial ecosystem in your city. John Wiley & Sons, 2012. 224 p.
18. *Feldman M.* The entrepreneurial event revisited: firm formation in a regional context // Industrial and corporate change. 2001. № 4(10). P. 861–891.
19. *Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M., Zazdravnykh E.* Historical shocks and persistence of economic activity: evidence on self-employment from a unique natural experiment // Regional Studies. 2019. Vol. 53. № 6. P. 790–802.
20. *Fritsch M., Storey D.* Entrepreneurship in a Regional Context: Historical Roots, Recent Developments and Future Challenges // Regional Studies. 2014. № 6 (48). P. 939–954.
21. *Gompers P., Lerner J., Scharfstein D.* Entrepreneurial spawning: Public corporations and the genesis of new ventures, 1986 to 1999 // The Journal of Finance. 2005. № 2 (60). P. 577–614.
22. *Harrington K.* Entrepreneurial ecosystem momentum and maturity the important role of entrepreneur development organizations and their activities. Kauffman Foundation. 2017. 33 p.
23. *Hayter C.* A trajectory of early-stage spinoff success: the role of knowledge intermediaries within an entrepreneurial university ecosystem // Small Business Economics. 2016. № 3(47). P. 633–656.
24. *Isenberg D.* The entrepreneurship ecosystem strategy as a new paradigm for economic policy: Principles for cultivating entrepreneurship // Presentation at the Institute of International and European Affairs, 2011
25. *Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C.* Why do firms hide? Bribes and unofficial activity after communism // Journal of Public Economics. 2000. № 3(76). P. 495–520.
26. *Karlsson C., Dahlberg R.* Entrepreneurship, firm growth and regional development in the new economic geography: Introduction // Small Business Economics. 2003. № 2 (21). P. 73–76.
27. *Mack E. A., Qian H.* (ed.). Geographies of entrepreneurship. Routledge, 2016. 180 p.
28. *Mason C., Brown R.* Entrepreneurial ecosystems and growth oriented entrepreneurship. Paris: OECD, 2014. 38 p.
29. *O'Connor A., Stam E., Sussan F., Audretsch D.* Entrepreneurial Ecosystems. Place-Based Transformations and Transitions. NY: Springer, 2018. 197 p.
30. *Stam E.* Entrepreneurial ecosystems and regional policy: a sympathetic critique // European Planning Studies. 2015. № 9 (23). P. 1759–1769.

31. *Stangler D., Bell-Masterson J.* Measuring an entrepreneurial ecosystems. Kaufmann Foundation, 2015.
32. *Sternberg R.* Regional dimensions of entrepreneurship // Foundations and Trends in Entrepreneurship. 2009. № 4. P. 211–340.
33. *Stuart T. E., Sorenson O.* Liquidity events and the geographic distribution of entrepreneurial activity // Administrative Science Quarterly. 2003. № 2 (48). P. 175–201.
34. *Szerb L., Acs Z.J., Autio E., Ortega-Argiles R., Komlosi E.* REDI: the regional entrepreneurship and development index—measuring regional entrepreneurship. REGIO DG, 2013.
35. *Yakovlev E., Zhuravskaya E.* The unequal enforcement of liberalization: Evidence from Russia's reform of business regulation // Journal of the European Economic Association. 2011. № 4. P. 808–838.
36. *Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E.* Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas // Foresight and STI Governance. 2016. № 3. P. 34–52.
37. *Wagner J., Sternberg R.* Start-up activities, individual characteristics, and the regional milieu: Lessons for entrepreneurship support policies from German micro data // The Annals of regional science. 2004. № 2 (38). P. 219–240.
38. *Wong P., Ho Y., Autio E.* Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data // Small business economics. 2005. № 3 (24). P. 335–350.

Об авторах

Земцов Степан Петрович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исследований проблем предпринимательства Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); заведующий лабораторией статистики малого и среднего предпринимательства Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва.

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Земцов С.П., Бабурин В.Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 4–14.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-1

Entrepreneurial ecosystems in the Russian regions

S. P. Zemtsov^{1,2,*}, V. L. Baburin^{3,}**

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia*

² *Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia*

³ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

* e-mail: zemtsov@ranepa.ru

** e-mail: vbaburin@yandex.ru

The article explains the uneven development of small and medium enterprises in Russia within the framework of the 'entrepreneurial ecosystems' concept. A corresponding typology of the Russian regions was carried out according to the proposed model. The most developed ecosystems with high density and sectoral diversity of SMEs are formed in regions with access to large consumer markets, capital, and low risks for investors. The least developed SMEs sector is in areas with high costs of doing business: the North Caucasus, the Far East and the Arctic zone, which requires special measures of state policy. The level of development of ecosystems determines their ability to withstand external shocks. The effect of the FIFA World Cup is positive in the hosting regions and in its neighbors. Based on the typology, we proposed differentiated support measures.

Keywords: small and medium-sized enterprises, entrepreneurial ecosystem, institutions, Russian regions, clusters.